

Ничего не знаю о смерти Виля Борщевского, кроме того, что летом прошлого года его не стало. Как бы к нему ни относилось близкое и дальнее поэтическое окружение, можно сказать, что он занимал существенное место в камчатской литературе, и не только, если вспомнить его художественную резьбу по дереву.

Да, Виль Борщевский был мастер-художник, а еще коллекционер, боксер (чемпион Хабаровска по боксу) и горнолыжник, вдохновенный грибник, великий упрямец и неуступчивый спорщик, а еще инженер-изобретатель, — он же придумал стихотворную форму «поэтический квадрат» и новый знак препинания «лир», искренне веря, что этот «лир» совершенно необходим русскому языку.

Был Виль Михалыч прямолинеен в стихах и суждениях, может быть в противовес всегдашнему людскому, а ныне процветающему ловкачеству. Он был неуживчив, но истово, порой до фанатизма, служил точности и факту, а еще матушке-природе. Его можно было бы назвать пантеистом, ибо до поклонения он любил дерево и птицу, куст у лесной дороги и лесную тропу, рюкзак и острый нож и вечерний костер. Об этом Виль Борщевский говорил и писал в своих стихах.

Нижеприведенные поэтические посвящения написаны мной в разное время. Это лишь часть цикла, героем которого был Виль Михайлович Борщевский. Светлая ему память!

Ты встанешь на приступку, говоришь,
Чрево вещаешь, проповедью дышишь,
То хайку выдашь, то покажешь шиш
Отвязанной литературной мыши.

Ты деревянных мельниц Дон Кихот,
Где Санчо твой? — но вот же рядом Нина.
Распорот бок и рассечен живот...
Ты сам сказал: «Замедленная мина»,

Кивнул на женщину, но дерево она,
В котором змей и яблоко раздора,
Но лишь селение. И не ее вина, —
Один соблазн да слабость разговора,

Где ухо чуткое, где в чувственности рта
Слова слетают с губ плодами злыми...
И знает Дон: есть сердца маета,
Когда б сбежать, да холодно с другими.

Боксировал, был чемпионом, в печень
Соперника, как выучили, бил.
Но счет теперь другой, и стало нечем
Встречать удар, и не осталось сил.

Под жестким светом, где-то там, в Сеуле,
Сухой кореец сделал свой надрез.
И все сошлось, врачи не обманули,
И у болезни крупный перевес.

И в ту же печень ровно, без надсады,
И без финтов он скальпель погружал,
Не чемпион, а смерть стояла рядом,
Она ждала. И ты прошел в финал.

Спросят меня: — Где ж Борщевский?
— Уехал в Хабаровск, —

ответу, —

Там и живет, вот пристали! В Хабаровск уехал!
За город я соберусь, где Борщевского, — знаю, — не встречу
И не услышу его глуховатого позднего смеха.

— Значит, в Хабаровске он? — скучный поэт донимает.
— Спи спокойно, — ему говорю, — он вернется едва ли,
Он декабри не любил, не придет и в мае,
Ну а придет — узнаешь. Так дерево падает, Валя.

Так со значками, да с ложками, да с черпаками,
Что вырезал, со стихами, с грибными местами
Взял и уехал. Хабаровск богат чудаками!
Он за горами теперь, этот город, за облаками...

